

Н. Л. КРЕМЕНЦОВ

«АМЕРИКАНСКАЯ ПОМОЩЬ» В СОВЕТСКОЙ ГЕНЕТИКЕ, 1945—1947¹

«Американская помощь» — так называли советские солдаты консервы, поступавшие во время Великой Отечественной войны по лендлизу от союзников по антифашистской коалиции. Эта помощь, однако, не ограничивалась тушенкой, яичным порошком и шоколадом; союзники поставляли в СССР самолеты и грузовики, одежду и лекарства, корабли и средства связи. Несмотря на продолжающиеся споры о конкретном вкладе каждого из союзников в разгром фашизма, хорошо известно, что именно союз «Большой тройки» — СССР, США и Великобритании — явился решающим условием победы. Гораздо менее известно, что этот же союз и его постепенное разрушение в послевоенные годы явились основой кардинальных изменений в советской научной политике, что я и попытаюсь продемонстрировать в этой работе на примере послевоенного развития советской генетики.

История советской генетики, и особенно так называемая «лысенковщина», привлекала внимание многих отечественных и зарубежных исследователей (см., например, [2—6]). И те, и другие, однако, по большей части игнорировали международные аспекты развития советской генетики и описывали эту историю как результат исключительно внутренних факторов: личности Сталина, особенностей государственной идеологии — диалектического материализма или постоянных неурядиц в сельском хозяйстве. В действительности международные события и международное научное сообщество сыграли огромную роль в развитии советской генетики. В этой статье я проанализирую международные аспекты борьбы между «формальными» генетиками и их оппонентами, «агробриологами», в первые послевоенные годы.

На протяжении 1940-х гг. советская внешняя политика эволюционировала от кооперации до конфронтации со странами Запада, и эта эволюция оказала огромное влияние на международные, равно как и внутренние, аспекты государственной научной политики. Во время войны советское руководство использовало международные связи советской науки для укрепления антифашистской коалиции. С победным окончанием войны советская наука была вовлечена в конкуренцию с бывшими союзниками за статус супердержавы, развернувшуюся, прежде всего, в об-

¹ Эта работа не могла бы быть выполнена без поддержки нескольких зарубежных фондов и институтов, которым я приношу мою искреннюю благодарность. Стипендия Фонда Эндрю Меллона (*Andrew W. Mellon Foundation*) в 1992 г. дала мне возможность поработать в библиотеке Американского философского общества (*American Philosophical Society*). Стипендия того же фонда в 1993—1994 гг. помогла получить материалы из архивов Кембриджа и Хьюстона. В 1994 г. грант Кеннановского института российских исследований (*Kennan Institute for Advanced Russian Studies*) в Вашингтоне открыл для меня доступ к материалам Национального медицинского архива (*National Medical Archive*) США. А стипендия Британского института истории медицины (*Wellcome Trust*) и Института гуманитарных исследований Эдинбургского университета в 1995 г. позволили провести четыре месяца в различных архивах Великобритании. Я также признателен моим коллегам Марку Адамсу, Гил Винчестер, Лили Кей, Эвелин Фокс Келлер, Михаилу Конашеву, Дайане Пол, Сюзан Соломон и Даниелу Тодесу за их критические замечания. Особую благодарность мне хотелось бы выразить сотрудникам многочисленных отечественных и зарубежных архивов и библиотек, без помощи которых мне никогда не удалось бы найти все использованные в этой работе документы. Первоначальная англоязычная версия этой статьи («A "Second Front" in Soviet Genetics: the International Dimension of the Lysenko Controversy, 1944—1947») опубликована в: *Journal of the History of Biology*. 1996. Vol. 29. P. 229—250. Я благодарен издательству «Kluwer Academic Publishers», которому принадлежат издательские права на первоначальную версию, за предоставление разрешения на публикацию переработанной версии на русском языке. Материалы этой работы были также частично использованы в моей книге [1].

ласти атомного и иного вооружения. В течение короткого периода, с весны 1945 по лето 1947 гг., кооперация и конкуренция «мирно сосуществовали» и даже стимулировали друг друга.

Советское научное сообщество не было просто пассивным инструментом политиков. Различные группы внутри научного сообщества активно эксплуатировали *каждый* поворот государственной внешней политики, стараясь достичь своих собственных целей через посредство партийного аппарата. Во время пика научной кооперации в 1945—1946 гг. советские генетики умело использовали свои международные контакты, чтобы организовать «второй фронт» на Западе с целью поддержать свою атаку на институциональные позиции Т. Д. Лысенко и укрепить советскую генетику.

Генетика и агробиология

До 1937 г. генетика в СССР развивалась с невероятной скоростью. Всего за двадцать лет советской власти генетическое сообщество выросло практически с «нуля» до одного из крупнейших в мире. Многочисленные генетические учреждения были созданы по всей стране под эгидой различных государственных ведомств — таких, как Наркомздрав, Наркомпрос, Наркомзем и Академия наук. Генетика была включена в программы всех медицинских, педагогических и сельскохозяйственных вузов и университетов. Главным фактором столь быстрого развития было умелое использование лидерами сообщества — Ю. А. Филипченко, Н. К. Кольцовым и Н. И. Вавиловым — активной научной политики большевиков².

Во второй половине 1930-х гг., однако, генетика и генетики столкнулись со значительными трудностями. Группа «агробиологов», возглавляемая Т. Д. Лысенко, начала захватывать генетические учреждения³. Лысенко выступил с доктриной (несколько позже окрещенной «агробиологией»), которая противоречила основным положениям классической генетики. Он отвергал законы Менделя и концепцию гена как материального носителя наследственности и поддерживал идею наследования приобретенных признаков. В декабре 1936 г. конфликт между генетиками и агробиологами выплеснулся наружу: пытаясь защитить свои позиции, генетики инициировали публичную дискуссию с агробиологами о «спорных вопросах генетики». Дискуссия помогла укрепить пошатнувшийся авторитет генетиков в партаппарате. Однако начавшийся в это время «Большой террор» свел их усилия на нет и позволил агробиологам значительно укрепить свои позиции⁴. Немедленно после окончания террора, летом 1939 г., генетики инициировали еще одну дискуссию. Эта дискуссия оказалась неэффективной: генетики не смогли остановить институциональную экспансию своих оппонентов. Одним из факторов в «поражении» генетиков в борьбе с конкурентами за контроль над генетическими институтами была изоляционистская и «националистская» политика, проводившаяся во второй половине 1930-х гг. советским правительством: в отличие от генетиков, подчеркивавших свое идейное единство с международным научным сообществом, агробиологи спекулировали на «отечественных корнях» своей доктрины, отвергая

2 Детальный анализ ранней истории советской генетики см. в [7; 8].

3 Институциональный аспект борьбы между генетиками и агробиологами проанализирован в моей статье «Принцип конкурентного исключения» (в печати), а также в [1].

4 Во время террора несколько ведущих генетиков, включая И. И. Агола и С. Г. Левита и их сторонников в гос- и партаппарате — таких, как президент ВАСХНИЛ А. И. Муралов и непременный секретарь АН СССР Н. П. Горбунов, были арестованы и расстреляны. Лысенко же в это время занял пост президента ВАСХНИЛ.

авторитет западной генетики и генетиков. Они даже назвали свое учение «мичуринская биология», в честь русского любителя-садовода И. В. Мичурина, ставшего в 1930-е гг. национальным героем, и заклеили классическую генетику как «менделизм-вейсманизм-морганизм», по ее западным основателям — Г. Менделю, А. Вейсману и Т. Моргану.

К 1941 г. «агробологи» захватили практически все крупнейшие генетические учреждения, вытеснив генетиков из их бастионов 1930-х гг. — институтов Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина (ВАСХНИЛ) и Института генетики АН СССР⁵. Генетики, тем не менее, сумели удержать свои позиции в университетах и нескольких академических лабораториях, к примеру в Институте эволюционной морфологии и Институте цитологии, гистологии и эмбриологии.

Советская генетика на международной арене

В начале 1920-х гг. советские генетики установили тесные связи с западными коллегами, особенно в Германии⁶ и США. В 1920-е гг. многие из них, включая Н. К. Кольцова, С. С. Четверикова, Г. Д. Карпеченко, А. Р. Жебрака, И. И. Агола, С. Г. Левита и М. М. Завадовского, работали в различных генетических лабораториях Германии и США. Особенно важную роль в развитии международных контактов сыграли Н. И. Вавилов, Н. В. Тимофеев-Ресовский и Ф. Г. Добржанский.

Еще до революции Вавилов провел год в лаборатории Р. С. Пеннета (*R. S. Pennett*) в Великобритании. После революции он посещал генетические лаборатории по всему миру, официально представляя советскую генетику на многочисленных международных конференциях. Он (вместе с М. Завадовским) участвовал во II Международном конгрессе по истории науки в Лондоне в 1931 г. Вавилов был единственным советским генетиком на Шестом международном генетическом конгрессе, проходившем в 1932 г. в Итаке (США). Тимофеев-Ресовский, ученик Кольцова, уехал в 1925 г. в Берлин по приглашению О. Фогта, чтобы организовать Генетический отдел в Институте мозга, и оставался в Германии до конца Второй мировой войны (см. [14; 15]). Добржанский, ученик Ю. А. Филипченко, в 1928 г. прибыл в США как рокфеллеровский стипендиат для работы в генетической «Мекке» — лаборатории Т. Х. Моргана (см. [16]). После смерти Филипченко в 1930 г. Добржанский решил не возвращаться в Россию и остался работать в лаборатории Моргана. Вавилов, Тимофеев-Ресовский и Добржанский активно пропагандировали достижения советской генетики на Западе.

В свою очередь, западные генетики — Г. Меллер, Э. Бауэр, К. Бриджес, Л. Данн, С. Харланд, Дж. Хаксли, С. Дарлингтон, Р. Гольдшмидт, Д. Костов и многие другие — посещали советские лаборатории. Бриджес провел в СССР полгода (1931—1932), а Меллер — почти четыре года (1933—1937), работая в вавиловском Институте генетики. Многие западные генетики приезжали в Советский Союз с лекциями и докладами. Этот активный обмен помог установить тесные личные связи между советскими и западными генетиками.

В 1930-е гг. советская генетика (подобно физике, астрономии, математике, почвоведению, физиологии и геологии) пользовалась значительным авторитетом на международной арене. Это подтверждается решением провести VII Международ-

⁵ В 1940 г. генетика понесла невосполнимые потери — умер один из основателей советской генетики Н. К. Кольцов, а ведущие генетики-администраторы Н. И. Вавилов, Г. Д. Карпеченко и Г. А. Левитский были арестованы (см., например, [9—12]).

⁶ Советско-германские связи в генетике частично освещены в [13].

ный генетический конгресс в 1937 г. в Москве и избранием Вавилова его президентом. Политбюро вначале согласилось с этим предложением, и советские генетики начали активную подготовку (см. [17]). Но в конце 1936 г. Политбюро изменило собственное решение и отменило проведение конгресса (см. [18; 19]). Спустя несколько месяцев генетикам удалось убедить партийных боссов снять этот запрет, и конгресс было разрешено провести в 1938 г. К этому времени, однако, Международный оргкомитет, возглавляемый норвежским генетиком Отто Мором (*Otto Mohr*), решил перенести конгресс из Москвы в Эдинбург и провести его в августе 1939 г.

Несмотря на провал московского проекта, Вавилов был избран президентом эдинбургского конгресса, и около пятидесяти (!) советских генетиков были приглашены участвовать в его заседаниях. Ни одному из них, однако, это не удалось. За несколько дней до открытия Вавилов сообщил оргкомитету, что советские генетики не смогут принять участие в работе конгресса. В августе 1939 г. с подписанием советско-германского договора практически все официальные контакты между советским и англо-американскими генетическими сообществами были прерваны⁷.

И все же западные генетики по-прежнему были глубоко заинтересованы в успехах и судьбе своих русских коллег⁸. Они считали, что изоляция русской генетики была обусловлена лысенковщиной (см. [21; 22]). В действительности свертывание международных научных контактов было связано с общей международной политикой советского государства и коснулось не только генетики и даже не только науки, но и всех аспектов советско-западного сотрудничества.

Нападение Германии на Советский Союз в июне 1941 г. в корне изменило ситуацию, создав новое направление в советской внешней политике: военный альянс «Большой Тройки». Немедленно после вступления СССР в войну против Германии и советское, и западное научные сообщества публично заявили о дружбе и сотрудничестве и начали восстанавливать прерванные контакты⁹.

Восстановление международных научных связей было одним из главных последствий Второй мировой войны в советской научной политике. К лету 1941 г. военные действия в Западной Европе фактически закончились, и германское командование сосредоточило большинство своих войск на «русском» фронте. В этой ситуации советское правительство остро нуждалось в открытии «второго фронта» и использовало все средства с тем, чтобы ускорить высадку союзников в Европе. Наука стала одним из таких средств: правительство использовало международные контакты советских ученых для широкой просоветской пропаганды на Западе¹⁰.

С началом войны Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС), практически прекратившее свое существование в конце 1930-х гг., было возрождено. Возрождение ВОКСа отчетливо видно даже по числу писем, отправленных и полученных до и во время войны. К примеру, вся «переписка по научным вопросам» между советскими и американскими учеными, прошедшая через ВОКС с 4 июня 1936 года по 13 декабря 1940 г., составила всего сто тридцать страниц (см. [24]). В 1943 г. эта переписка достигла нескольких тысяч страниц (см. [25]). ВОКС

7 В архивах западных генетиков обнаруживается заметный перерыв в переписке с советскими коллегами с 1939 по 1943—1944 гг. См., к примеру, коллекции Американского философского общества (далее — APS) в *The American Philosophical Society Library* (Philadelphia, USA).

8 Например, в 1940 г. Поль Мангельсдорф (*Paul Mangelsdorf*) организовал специальный семинар по русской генетике в Гарвардском университете (см. [20]).

9 См. выпуски журналов «*Science*», «*Nature*» и «Вестник АН СССР» военного времени.

10 Об использовании науки в качестве инструмента для укрепления антифашистской коалиции см. воспоминания советского посла в Великобритании о его деятельности в первые месяцы войны [23, с. 192—195].

стал одним из главных каналов сообщения между советскими и западными учеными. Другим каналом стал созданный в 1942 г. под контролем ЦК Антифашистский комитет советских ученых. Основной задачей этого комитета (как и остальных аналогичных комитетов — антифашистских комитетов советской молодежи, советских писателей, советских женщин и Еврейского антифашистского комитета) была просоветская пропаганда за рубежом. Через Антифашистский комитет и ВОКС советские ученые обращались к своим западным коллегам с призывами использовать их влияние на правительства для помощи Советскому Союзу и скорейшему открытию второго фронта в Европе¹¹. Например, 7 октября 1943 г. директор ВИЭМа Н. И. Гращенков писал известному английскому физиологу Арчибальду Хиллу (*Archibald Hill*): «Я надеюсь, что второй фронт в Европе, которого мы столь долго ожидаем, скоро станет реальностью и ускорит разгром нацистов, дав нам возможность продолжить наши научные исследования с довоенным размахом и укрепив контакты между учеными великих демократических держав» [28].

Такой поворот внешней политики дал советским ученым возможность возродить свои контакты с западными коллегами. Они немедленно начали использовать и ВОКС, и Антифашистский комитет для своих собственных целей: обмена публикациями, материалами и даже научными делегациями. Во время войны главный научный журнал страны — «Вестник АН СССР» — организовал специальные разделы: «По страницам зарубежных научных журналов» и «Зарубежная печать о советской науке», регулярно публиковавшие обзоры новейших западных (главным образом, английских и американских) научных работ. С победным окончанием войны в Академии наук было организовано специальное «Международное издательство», которое должно было выпускать серию монографий советских и иностранных авторов о новейших достижениях науки в СССР и за рубежом, а также специальный «Международный научный журнал» (см. [29]).

Многие западные ученые также были весьма заинтересованы в восстановлении контактов с советскими коллегами. Особенно активны были американцы. В 1943 г. группа медиков организовала «Американо-советское общество для обмена медицинской информацией», президентом которого стал известнейший физиолог Уолтер Кеннон¹². Общество немедленно начало выпускать специальный журнал с переводами и обзорами советских медицинских и биологических исследований. В 1944 г. Национальный совет американо-советской дружбы организовал «Американо-советское научное общество», президентом которого стал известный генетик Лешли Кларенс Данн (*L. C. Dunn*). Это общество также начало выпускать свой бюллетень. Оба общества были основаны специально для того, чтобы облегчить связи между советскими и американскими учеными. Устав «Научного общества», к примеру, подчеркивал, что оно возникло в ответ на «нужду в организованном канале, посредством которого американские и советские ученые смогут восстановить и укрепить научный обмен идеями через публикации, конференции и переписку, который был нарушен годами изоляции и войны» (см. [31]).

Взрыв американцами атомной бомбы в августе 1945 г. поставил новый акцент в советско-западных научных связях: началась «ядерная гонка» между Востоком и Западом. Атомная бомба стала символом одновременно и успехов англо-

11 Например, 6—8 ноября 1943 г. Национальный совет американо-советской дружбы организовал большой конгресс в поддержку СССР в Нью-Йорке. Ученые сыграли огромную роль в организации и проведении конгресса (см. [26—27]).

12 Одним из главных организаторов Общества был его финансовый директор Роберт Лесли (*Robert L. Leslie*). См. коллекцию документов Общества [30].

американской науки, и позиции США как сверхдержавы на международной арене. Советское руководство, очевидно, осознало необходимость укрепить советскую науку и расширить ее зарубежные связи. Как заявил в своей речи 6 ноября 1945 г. министр иностранных дел В. М. Молотов: «Мы должны равняться на достижения современной мировой техники... и обеспечить условия для продвижения вперед советской науки и техники. <...> Будет у нас и атомная энергия, и многое другое» [32, с. 15]. Спустя три месяца, 6 февраля 1946 г., в речи перед избирателями Сталин включил науку в число главных направлений послевоенного развития страны:

Особое внимание будет обращено ... на широкое строительство всякого рода научно-исследовательских институтов, могущих дать возможность науке развернуть свои силы. Я не сомневаюсь, что если окажем должную помощь нашим ученым, они сумеют не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны (цит. по: [33, с. 11]).

Последняя часть сталинской фразы — догнать и перегнать западную науку — стала главным лозунгом советских ученых в послевоенные годы.

Процесс восстановления научных связей с Западом был особенно успешным в генетике, поскольку здесь была еще свежа в памяти недавняя история тесных личных контактов, и, в отличие от физики или математики, генетика в это время была не вовлечена в военные исследования. И потому восстановление контактов между советскими и западными генетиками не привлекало особого внимания служб безопасности ни в СССР, ни на Западе.

Во время и сразу же после окончания войны советская генетика стала «горячей» темой в западной, особенно научной, прессе. Западные генетики организовали широкую кампанию против Лысенко в поддержку своих советских коллег. В рамках этой кампании в США был опубликован перевод новейшей книги Лысенко «О наследственности и ее изменчивости», и около полусотни статей о советской генетике появилось на страницах ведущих научных журналов, включая «*Science*», «*Journal of Heredity*», «*Nature*» и «*American Naturalist*». Многие западные генетики приняли самое активное участие в этой кампании. Почему же ситуация в советской генетике стала столь важна для западных, и особенно американских, ученых? Почему западные ученые, по словам Добржанского, «приняли эту ситуацию так близко к сердцу»¹³?

Просьба о помощи

Во время войны западные генетики получали информацию о советской генетике и генетиках через различные каналы — официальные (в том числе и дипломатические) и частные. Тем не менее эта информация была неполной и разрозненной. К концу войны ситуация существенно изменилась.

В 1944 г. известный английский ботаник Эрик Эшби (*Eric Ashby*) прибыл в Москву в составе австралийской дипломатической миссии. Он провел в России целый год и, благодаря своей настойчивости, сумел посетить многие научные учреждения и познакомился со многими советскими биологами, в том числе ведущими генетиками А. С. Серебровским, Н. П. Дубининым и А. Р. Жебраком. После окончания войны на пути в Австралию он на несколько месяцев остановился в Великобритании и в частных письмах и в опубликованных статьях поделился со своими коллегами тем, что он узнал о советской генетике. В письме к известному амери-

13 См. письмо Добржанского к Л. Данну от 4 июля 1945 г. в [34].

канскому генетику Сьюэллу Райту (*Sewall Wright*) Эшби писал: «Генетика здесь — очень сильна. <...> Я также ознакомился с так называемой „генетикой“ Лысенко. История — совершенно фантастическая»¹⁴. В своей книге «Ученый в России», опубликованной два года спустя, он рассказал эту «фантастическую» историю в деталях. Эшби несколько раз встречался с Лысенко, посещал его лаборатории, наблюдал за экспериментами, разговаривал с сотрудниками и слушал его лекции. Он был особенно поражен лысенковскими методами экспериментирования и отмечал, что «до сих пор эксперименты Лысенко не доказали ничего из его теоретических выступлений против менделевской генетики» [36, с. 114].

Другая возможность пополнить информацию о советской генетике представилась на юбилее Академии наук СССР. В июне 1945 г. советское правительство с большой помпой отметило 220 лет со дня основания Академии. Сталин лично распорядился пригласить на празднества научные делегации стран-союзников, особенно США, Великобритании, Франции и Канады (см. [37]). В середине июня специальные самолеты, посланные советским правительством, привезли в Москву большую группу иностранных гостей. Сто двадцать два делегата из восемнадцати стран и около тысячи советских ученых участвовали в торжествах, проходивших с 15 по 30 июня в Москве и Ленинграде. Юбилей был организован с «королевской роскошью»: правительство взяло на себя все расходы и предоставило участникам комфорт, невиданный в условиях всеобщего послевоенного разорения и разрухи¹⁵. Иностранные участники были приглашены посмотреть парад Победы на Красной Площади, а в последний день юбилея правительство устроило для иностранных гостей банкет в Кремле. Все советские руководители, включая Сталина, присутствовали на банкете¹⁶. Министр иностранных дел, первый заместитель главы правительства В. М. Молотов поднял тост «за развитие тесного сотрудничества между советской и зарубежной наукой» (см. [39]).

Подобно декларациям других высших чиновников (не говоря уже об ученых), эти слова знаменовали кардинальное изменение государственной научной политики: концепция «единой мировой науки» была возрождена. Она заменила концепцию «двух наук» — советской и западной, «буржуазной и пролетарской», — которая доминировала в научной политике во второй половине 1930-х гг.¹⁷ Кооперация между советскими и западными учеными стала теперь официально утвержденной политикой.

И советские, и западные ученые использовали юбилей для обсуждения многочисленных вопросов и среди них — ситуации в советской генетике. Хотя американские генетики не попали в состав официальной делегации, они попросили ее членов «добыть точную информацию о [советских] генетиках»¹⁸. Одним из членов британской делегации был английский эволюционист Джулиан Хаксли (*Julian S. Huxley*), который уже бывал в СССР (в 1931 г.) и был знаком со многими советскими биологами¹⁹. Во время празднования он посетил все генетические лаборато-

14 См. письмо Эшби к Райту от 22 июля 1945 г. в [35].

15 См., к примеру, впечатления американских участников торжеств в [38].

16 Яркое описание юбилея и, в особенности, банкета см. в [36, гл. 6, «*Science on Show*», с. 126—145].

17 Анализ некоторых международных аспектов государственной научной политики в 1930-е гг. см. в [40, 41].

18 См. письмо М. Демерека (*M. Demerec*) к П. Коллеру (*P. Koller*), август 1945 г., в [42].

19 Его опубликованные воспоминания о поездке см. в [43, гл. XIX, «*Russia 1945*», с. 281—287]. Фонд Хаксли в Архиве Университета Райса в Хьюстоне содержит множество материалов о поездке в СССР в 1945 г., включая его записи лекций Лысенко и бесед с советскими генетиками (см. [44]).

рии Москвы и Ленинграда и встречался со всеми ведущими советскими генетиками. Хаксли и Эшби также прослушали специальную лекцию, которую по их просьбе прочел Лысенко во время юбилея. По возвращении в Англию Хаксли опубликовал хвалебный обзор достижений советских исследователей в эволюционной биологии и генетике [45] и поделился со своими коллегами впечатлениями о русской генетике и генетиках в нескольких конфиденциальных письмах.

Еще одним источником информации о русской генетике для западных ученых стал А. Р. Жебрак. В мае 1945 г. он прибыл в Сан-Франциско как член белорусской делегации на конференцию по организации ООН²⁰. Жебрак использовал ту поездку для встреч с американскими генетиками. Эрнст Бабкок (*Ernst Babcock*) пригласил его прочесть лекцию в Отделе генетики Калифорнийского университета в Беркли. По-видимому, по просьбе Жебрака это событие было оставлено весьма официально. Бабкок попросил президента университета послать официальное приглашение через советское консульство в Сан-Франциско:

На первый взгляд, это может показаться вам ненужным, но если вы позволите мне очень кратко пояснить — ситуация в генетике в СССР в настоящее время весьма критическая. К власти пришла группа, которая пытается дискредитировать то, что может быть названо «ортодоксальной генетикой». Поскольку доктор Жебрак полностью поддерживает научную генетику и пытается бороться с противостоящей группой, упомянутой выше, для него было бы очень важно знать, что наше приглашение было официально поддержано вами²¹.

Бабкок получил просимую поддержку, и Жебрак прибыл на лекцию в Беркли, сопровождаемый коллегами по делегации и корреспондентами советских газет. Он рассказал об общей ситуации в советской генетике и своих собственных работах над полиплоидами пшеницы. Отдел генетики устроил специальный прием в его честь, на который были приглашены и советские дипломаты. Советское консульство в ответ организовало прием в честь университета.

Во время своего пребывания в Сан-Франциско Жебрак несколько раз подолгу беседовал с генетиками, работавшими в то время в Беркли, включая Эрнста Бабкока, Ричарда Гольдшмидта (*Richard Goldschmidt*), Майкла Лернера (*Michael Lerner*) и Ледьярда Стеббинса (*Lediard Stebbins*). Почти каждый день он виделся с Лернером, помогавшим ему с научной частью его визита²². Лернер организовывал встречи Жебрака с учеными, переводил его лекцию и вел его переписку с американскими генетиками. После конференции Жебрак планировал провести несколько недель в США, посещая различные генетические лаборатории. Этот план, однако, не удался: немедленно по окончании конференции Жебрак был отозван в Москву. Тем не менее, он преуспел в своей миссии — восстановлении контактов с американскими генетиками и распространении информации о советской генетике. Суть «переговоров» Жебрака с коллегами ясна из письма Лернера Г. Меллеру: «Довольно скоро у Лысенко будет достаточно веревки, чтобы повеситься. В теперешней ситуации поддержка американских генетиков исключительно важна»²³.

20 Первоначально, на заседании 13 марта, Политбюро планировало послать в Сан-Франциско весьма представительную делегацию, в состав которой был включен и заместитель председателя Совета Союза Т. Лысенко (см. [46, л. 10]). Спустя несколько дней состав делегации был пересмотрен, и Лысенко не попал в новый список [46, л. 13]. Назначение Жебрака было также утверждено на заседании Политбюро [46, л. 36].

21 См. письмо Бабкока к М. Дейчу (*M. Deutch*) от 6 июня 1945 г. в [47].

22 Лернер был русским эмигрантом и, разумеется, свободно говорил по-русски.

23 Письмо от 29 июня 1945 г. в [48].

Новости, привезенные Жебраком, равно как и результаты переговоров Эшби и Хаксли в СССР, были немедленно распространены среди членов западного генетического сообщества. Американские генетики использовали свою налаженную коммуникационную сеть: как только кто-то из них получал письмо с какой-либо ценной информацией, он немедленно рассылал его всем остальным членам сообщества. К примеру, когда английский генетик Пиус Коллер прислал Милиславу Демереку письмо, посвященное состоянию генетических исследований в послевоенной Европе, последний разослал более сорока копий этого письма своим коллегам²⁴. Всякая новость о советской генетике чрезвычайно быстро распространялась по этой сети.

Самой потрясающей новостью было то, что «позиция Лысенко — не так прочна, как прежде, и русские генетики надеются выбраться из-под его контроля»²⁵. И впервые, казалось, участие американских генетиков могло как-то помочь их коллегам, поскольку «в настоящий момент советское правительство определенно расположено серьезно прислушаться к мнению американских ученых»²⁶. Когда западные генетики узнали, что их русские коллеги «лично и конфиденциально просят о поддержке тех американских коллег, которые известны своим дружеским отношением к России»²⁷, они с энтузиазмом откликнулись на эту просьбу. Западные генетики предприняли ряд действий, чтобы помочь своим русским коллегам, и организовали широкую антилысенковскую кампанию. Четыре наиболее известных американских генетика — Данн, Демерек, Добржанский и Меллер — руководили американской частью кампании, а Хаксли координировал «британский фронт».

Второй фронт

Западные генетики использовали все доступные ресурсы, чтобы поддержать русскую генетику и генетиков. Две контролировавшиеся ими организации сыграли в этом ключевую роль. Как упоминалось выше, в 1944 г. Национальный совет американо-советской дружбы создал американо-советское научное общество: Л. Данн стал его президентом, а М. Демерек и Ф. Добржанский — членами исполнительного комитета. Затем, в начале 1945 г., американское генетическое общество организовало «Комитет помощи генетикам за рубежом»: Г. Меллер стал его председателем, а Ральф Клилэнд (*Ralph E. Clealand*) и Бентли Гласс (*Bentley H. Glass*) — членами²⁸. Две эти организации обеспечили активный обмен публикациями и материалами. Генетики также использовали Американо-советское медицинское общество для расширения контактов с русскими коллегами: Данн был членом редколлегии «Американского обозрения советской медицины», выпускаемого этим обществом²⁹. С 1943 г. переписка между советскими и американскими генетиками начала возрождаться. Был организован обмен литературой и даже штаммами дрозофилы через дипломатические и иные каналы. Большое число отписок, журналов и книг было отправлено в Россию. Около пятнадцати специаль-

24 См. письмо П. Коллера к М. Демереку от 27 июля 1945 г. в [42].

25 См. письмо Ф. Добржанского к Л. Данну от 4 июля 1945 г. в [34].

26 См. письмо М. Лернера к Л. Данну от 27 июня 1945 г. в [48].

27 См. письмо Ф. Добржанского к Л. Данну от 4 июля 1945 г. в [34]. Подчеркнуто Добржанским.

28 Была даже предпринята попытка организовать специальный «Комитет помощи русским генетикам». См. письмо М. Лернера к Б. МакКлинтоку (*B. McClintock*) от 27 июня 1945 г. и к Л. Данну от 23 июля 1945 г. в [34].

29 Он покинул редакцию в мае 1946 г.

ных статей советских генетиков было опубликовано в западных изданиях — таких, как «*Journal of Heredity*» и «*Genetics*». Многие американские генетики, включая Бабкока, Данна, Добржанского, Лернера, Вальтера Ландауэра (*Walter Landauer*), Меллера, Стеббинса и Джека Шульца (*Jack Schultz*), участвовали в переводе, редактировании и рецензировании советских работ. Они также содействовали публикации обзоров ситуации в советской генетике, написанных Жебраком и Дубининым, на страницах главного американского научного журнала «*Science*» [49, 50].

Наиболее важными публикациями, однако, стали две небольшие книги, представившие англоязычной аудитории суть взглядов и работ Лысенко. Одна из них, написанная двумя английскими генетиками П. Хадсоном (*P. Hudson*) и Р. Риченсом (*R. Richens*), представляла собой полный обзор работ, опубликованных Лысенко и его сотрудниками [51]. Другая — перевод новейшей книги самого Лысенко по вопросам наследственности [52]. История публикации в Америке книги Лысенко весьма показательна.

Ранней весной 1945 г. одно американское издательство (*McGraw Hill Company*) послало экземпляр книги Данну, запросив его мнение о целесообразности ее перевода на английский язык. Данн немедленно передал книгу на рецензию Добржанскому. Суть их соображений ясна из письма Данна редактору издательства:

Несмотря на тот факт, что большинство генетиков в этой стране уверены в том, что его взгляды ошибочны, он [Лысенко] занимает столь влиятельное положение, а обсуждаемая проблема столь важна, что выпуск этой книги на английском языке сослужит хорошую службу и русской, и американской науке³⁰.

В конечном счете, издательство отказалось от публикации книги, но Данн и Добржанский решили организовать ее издание за свой собственный счет. Добржанский немедленно начал готовить перевод, и к середине мая половина книги была переведена. Новости из России, пришедшие летом того же года, укрепили уверенность публикаторов в необходимости их работы. Как Данн сообщал Лернеру:

Мы убеждены, что лучший способ противодействия влиянию Лысенко — это сделать известными его идеи и доказательства в той самой форме, в которой он сам опубликовал их. Мы не сомневаемся, что отношение американцев будет отрицательным, и это укрепит позиции тех, кто противостоит ему в Советском Союзе³¹.

В середине августа перевод был закончен, и Данн послал его в издательство «*King's Crown Press*», связанное с Колумбийским университетом, профессорами которого были и он сам, и Добржанский. Рукопись была принята и в течение осени отредактирована и подготовлена к печати. Добржанский постарался «сохранить в переводе аромат» оригинала, Карл Эплинг (*Carl Epling*, профессор ботаники в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе) отредактировал перевод «на предмет стиля и смысла», а Данн — «на предмет ясности выражений и английской терминологии»³².

Еще до того как книга была напечатана, Данн разослал рукопись целому ряду лиц, с тем чтобы обеспечить поддержку и скоординировать кампанию. Одним из тех, кто получил рукопись, был Генри Уоллес (*Henry A. Wallace*), бывший вице-президентом в администрации Ф. Рузвельта, а в то время служивший министром

30 См. письмо Л. Данна к В. Бара (*W. Bara*) от 26 мая 1945 г. в [34].

31 См. письмо Л. Данна к М. Лернеру от 29 июня 1945 г. в [34].

32 См. письмо Л. Данна к Х. Силверу (*H. Silver*) от 17 августа 1945 г. в [34].

торговли. Уоллес прочел рукопись и послал Данну свои замечания, целиком поддержав саму идею ее публикации. Он также отправил Данну коллекцию материалов о Лысенко, собранных им во время поездки в СССР в 1944 г. и переведенных на английский язык его сотрудниками. Он посоветовал использовать эти материалы (включая опубликованные отчеты о дискуссии 1939 г. между генетиками и лысенковцами) для подготовки рецензий на книгу. После выхода книги в свет Данн вернул эти материалы Уоллесу вместе с экземпляром книги³³.

Данн «срежиссировал» целый ряд рецензий на книгу Лысенко и на книгу Хадсона и Риченса в американских научных журналах, а Хаксли провел аналогичную работу в Великобритании. Все ведущие биологические журналы опубликовали рецензии на ту или другую, а некоторые и на обе книги. Данн и Карл Сакс (*Carl Sax*) написали рецензии для «*Science*», Добржанский — для «*Journal of Heredity*», Курт Штерн (*Curt Shtern*) — для «*American Naturalist*», Гольдшмидт — для «*Physiological Zoology*», а Стеббинс — для «*Chronica Botanica*». Данн и Меллер «сагитировали» еще нескольких генетиков написать письма редакторам различных изданий. Британские биологи также опубликовали несколько рецензий: Эшби в «*Nature*», Дарлингтон в «*Discovery*». Как Меллер сообщал своим коллегам:

Хаксли написал мне, что он пытается организовать рецензии на книгу [Лысенко] и другие статьи о ситуации [в русской генетике] в британской прессе, и что мы в этой стране должны постараться сделать то же самое и в то же самое время. Он получил заслуживающую доверия информацию от австралийского научного атташе в Москве, что отрицательные рецензии на книгу Лысенко, написанные уважаемыми учеными в западных странах, будут весьма серьезно восприняты в СССР и окажут там благоприятное влияние на генетику, в то же время ослабляя [позиции] Лысенко³⁴.

Американские генетики были весьма осторожны в своей критике, концентрируясь почти исключительно на научных проблемах. Они старались избегать любых политических комментариев, которые могли бы спровоцировать негативную реакцию советских руководителей, и пытались выражать свое мнение на политически нейтральном или даже «ура-социалистическом» языке³⁵.

Именно это, на мой взгляд, было поводом к обращению группы американских генетиков к Дж. Б. С. Холдейну (*J. B. S. Haldane*) — в то время члену Исполкома компартии Великобритании — с просьбой опубликовать рецензию на книгу Лысенко. Это обращение было подготовлено Сальватором Лурия (*Salvatore Luria*) и подписано Лурией, Меллером, Штерном, Добржанским, Данном и Демереком. Вот что они писали:

Мы считаем, что инициатива объяснения опасности Лысенко руководителям, отвечающим за научные исследования в Советском Союзе, должна исходить от того, кто, помимо того что пользуется значительным научным авторитетом, не мог бы быть легко атакован как политический враг Советской России, используя

33 См. письмо Л. Данна к Г. Уоллесу от 30 января 1946 г. в [34].

34 См. письмо Г. Меллера к К. Штерну от 11 февраля 1946 г. в [53].

35 В 1946—1947 гг. в американской прессе было опубликовано множество статей о советской науке в связи с широкой дискуссией о возможных вариантах послевоенной организации западной науки. Наиболее животрепещущей темой была так называемая «свобода науки» — система отношений между наукой и государством. Многие участники этой дискуссии ссылались на лысенковщину и судьбу погибших русских генетиков как на пример опасности государственного контроля над наукой. См., например, [54]. В своей критике идей Лысенко, однако, большинство западных генетиков осторожно избегали каких-либо политических ссылок.

ющий свой престиж либо для личной атаки на Лысенко, либо для «раздувания» кампании клеветы против советской науки. Мы думаем, что именно вы могли бы с наибольшим успехом возглавить подобную акцию, которая принесла бы огромную пользу Советскому Союзу и мировой биологии³⁶.

Холдейн, однако, отказался участвовать в кампании. В своем ответе Меллеру он писал: «К сожалению, я не читал книги Лысенко и потому явно не могу ничего сделать по этому поводу»³⁷. Он даже вернул авторам оригинал их обращения. Этот ответ, по выражению Штерна, «потряс» американских генетиков³⁸. Меллер был взбешен, подчеркивая, что «ожидал чего-нибудь в этом роде»³⁹, и прервал все отношения с Холдейном. Многие из его коллег последовали этому примеру, что привело к долгому перерыву в переписке Холдейна с американскими генетиками (см. [55]).

Среди действий, предпринятых в поддержку советских генетиков, была еще одна попытка организовать Международный генетический конгресс в СССР. Во время своего пребывания в Москве Эшби обсуждал эту идею с тремя ведущими генетиками — Серебровским, Жебраком и Дубининым, — с энтузиазмом поддержавшими его предложение. Он также говорил с Л. А. Орбели, вице-президентом АН СССР и академиком-секретарем ее Биологического отделения. По свидетельству Эшби, Орбели «тоже был весьма заинтересован, но обиняками дал понять, что, до тех пор пока Лысенко в силе, он не хотел бы провоцировать его враждебность, активно настаивая на этой идее»⁴⁰. Эшби предложил коллегам скоординировать антилысенковскую кампанию во влиятельных западных журналах и «официальное обращение» к руководителям Академии наук по поводу будущего конгресса. Он полагал, что публикации, «показывающие мнение иностранных ученых о бесполезности работ Лысенко», произведут в СССР соответствующий эффект и тем самым помогут организации конгресса⁴¹.

Западные генетики охотно поддерживали этот проект. Демерек, американский представитель в Постоянном международном оргкомитете генетических конгрессов, писал норвежскому представителю О. Мору:

Было бы очень хорошо, если бы следующий конгресс мог быть устроен в России, и я искренне надеюсь, что это можно организовать. Это могло бы сдвинуть баланс сил в пользу настоящих генетиков и в ущерб Лысенко⁴².

Оргкомитет использовал международную генетическую конференцию, проходившую в октябре 1945 г. в Лондоне, с тем чтобы выяснить мнение сообщества. Хотя русские генетики не прибыли на конференцию, не успев вовремя получить приглашения (см. [56, С. 41. Е. 135]), большинство ее участников поддержало проект проведения конгресса в России. Фрэнсис Крю (*Francis R. A. Crew*), президент предшествующего конгресса в Эдинбурге, сообщал американским коллегам о решении конференции: «Это был бы очень полезный жест, если бы мы предприняли соответствующие шаги, с тем чтобы создать возможность для наших русских коллег пригласить конгресс собраться в СССР»⁴³. Крю обсудил «соответствующие

36 См. письмо К. Штерна и др. к Дж. Б. С. Холдейну от 17 апреля 1946 г. в [53].

37 См. письмо Дж. Б. С. Холдейна к Г. Меллеру от 15 мая 1946 г. в [42].

38 См. письмо К. Штерна к Меллеру от 12 июня 1946 г. в [53].

39 См. письмо Г. Меллера к М. Демереку от 5 июня 1946 г. в [42].

40 См. письмо Дж. Хаксли к М. Демереку от 31 декабря 1945 г. в [42].

41 См. письмо Дж. Хаксли к М. Демереку от 31 декабря 1945 г. в [42].

42 См. письмо М. Демерека к О. Мору от 28 ноября 1945 г. в [42].

43 См. письмо Ф. Р. А. Крю к М. Демереку от 15 января 1946 г. в [42].

шаги» с членами Оргкомитета, присутствовавшими на лондонской конференции, и проконсультировался с Эшби и Хаксли. Первым шагом должно было быть приглашение представителя русской генетики в состав Оргкомитета⁴⁴. Кру написал письмо советскому послу в Великобритании, «сообщая ему о существовании Постоянного международного оргкомитета и о желании его членов ввести в его состав представителя от СССР». Он также сообщил послу, что «Жебрак, хорошо известный всем членам Оргкомитета, был бы очень желательным пополнением». В том же письме Кру просил посла «переправить его послание в соответствующие органы в СССР» и подчеркивал, что Оргкомитет должен будет до начала марта 1946 г. решить, какое из полученных предложений о месте проведения будущего конгресса будет принято, и «поэтому назначение русского представителя должно быть сделано незамедлительно»⁴⁵. В феврале 1946 г. Кру напомнил советскому послу, что Оргкомитет ожидает ответа:

Мы настолько заинтересованы в помощи и поддержке наших русских коллег и настолько не хотели бы принимать какое-либо решение о следующем конгрессе без учета их мнения, что готовы ждать до конца марта, прежде чем предпринять какие-либо окончательные шаги⁴⁶.

Посольство переправило письма Кру в Академию наук, но весь план пал жертвой обычных бюрократических проволочек. Переписка между академией, ЦК и МИДом по поводу назначения Жебрака затянулась до конца мая, когда было уже поздно что-либо предпринимать (см. [58, л. 26об.]).

Западные генетики предвидели возможную неудачу их проекта. И даже если оказывалось невозможным провести предстоящий конгресс в России, им хотелось сделать возможным участие в нем русских генетиков. Они рассматривали конгресс как «весьма эффективный способ разрушения изоляции, существующей между западными и русскими генетиками»⁴⁷. Демерек советовал своим коллегам по Оргкомитету:

Мне кажется чрезвычайно важным, если конгресс не может быть проведен в России, организовать его в таком месте, где мы смогли бы встретить наибольшее число русских генетиков. В этом отношении Швеция представляется гораздо более удобным местом, чем Соединенные Штаты⁴⁸.

Это соображение было, по-видимому, не последним, когда Оргкомитет принял решение проводить конгресс в Швеции и пригласил русских генетиков принять участие в его работе.

«Американская помощь» на русском фронте

Во время своих дискуссий с лысенковцами в 1936 и 1939 гг. советские генетики часто ссылались на поддержку их западных коллег и международный консенсус в генетике. В то время подобные ссылки были неэффективны, поскольку они противоречили основному направлению государственной внешней политики на изоляцию. В конце войны, однако, советская внешняя политика была направлена на раз-

44 До войны русским представителем в Оргкомитете был Н. И. Вавилов.

45 См. письмо Ф. Р. А. Кру к М. Демереку от 15 января 1946 г. в [42].

46 См. письмо Ф. Р. А. Кру к послу СССР от 11 февраля 1946 г. (оригинал — в [57, л. 18—20], копия имеется в [42].

47 См. письмо М. Демерека к Дж. Хаксли от 18 февраля 1946 г. в [42].

48 См. письмо М. Демерека ко всем членам Постоянного оргкомитета от 9 августа 1945 г. в [42].

витие международного сотрудничества, и генетики немедленно использовали этот поворот в своей атаке на позиции Лысенко. Генетики были первыми из советских ученых, кто начал то самое «тесное сотрудничество» с западными коллегами, к которому призывал Молотов на банкете в Кремле в июне 1945 г., и их первым «совместным проектом» стала широкая антилысенковская кампания.

Опять, как в 1930-е гг., генетики регулярно ссылались на авторитет своих западных коллег с целью ослабить влияние Лысенко. В каждом письме в ЦК и Совмин, в каждом публичном выступлении они заявляли, что советская генетика и генетики с честью поддерживают престиж советской науки за рубежом. К примеру, в конце 1944 г. Жебрак направил письмо секретарю ЦК Г. М. Маленкову, в котором отмечал:

Развитие генетики в России произошло только во время советской власти. В течение того короткого периода генетика в Советском Союзе достигла такого уровня, что заняла лидирующие позиции в мире, уступая только США⁴⁹.

Жебрак также отмечал, что кампания, развязанная Лысенко против генетики, вредит международной репутации Советского Союза. В то время это был весомый аргумент.

Более того, научная активность Жебрака в Сан-Франциско, вероятно, была предпринята им не только по собственной инициативе: имеются некоторые свидетельства того, что его усилия восстановить контакты с американскими генетиками и вдохновить их на организацию антилысенковской кампании были поддержаны высшими чинами госаппарата. В апреле 1945 г., за несколько дней до выезда в США, Жебрак получил аудиенцию у Молотова. Одной из тем их беседы было положение в советской генетике⁵⁰. Возможно, Жебрак получил согласие Молотова и его поддержку своим действиям в Америке. Это могло бы объяснить его многочисленные конфиденциальные заявления американским коллегам о том, что «советское правительство в настоящий момент определенно расположено придать значительный вес мнению американских ученых»⁵¹.

Сразу же после окончания войны советские генетики развернули широкую атаку на позиции Лысенко. В ноябре 1945 г. Жебрак направил очередное письмо Молотову, в котором обвинял Лысенко в дезорганизации генетических исследований и предлагал создать новый Институт экспериментальной генетики и «Советский генетический журнал»⁵². По-видимому, следуя инструкциям Молотова, бюро Биологического отделения Академии наук 12 марта 1946 г. провело специальное заседание, посвященное структуре институтов отделения. На этом заседании было «предложено» организовать новый генетический институт (см. [61, л. 18—19]). Сразу же после этого Жебрак отправил длинное письмо Маленкову с просьбой поддержать этот проект⁵³. И в письме к Молотову, и в письме к Маленкову Жебрак подчеркивал важность развития генетики для международного престижа СССР. В письме к Молотову он привел длинные цитаты из обзоров работ советских генетиков, написанных такими известными западными учеными, как Дж. Д. Бернал и Л. Данн, а в письме к Маленкову ссылался на возможность того, что генетика и генетики были задействованы в американских ядерных исследованиях.

49 См. письмо А. Р. Жебрака к Г. М. Маленкову, декабрь 1944 г., в [59, л. 9].

50 См. письмо А. Р. Жебрака к В. М. Молотову от 3 ноября 1945 г. в [60, л. 4].

51 См. письмо М. Лернера к Л. Данну от 27 июня 1945 г. в [48].

52 См. письмо А. Р. Жебрака к В. М. Молотову от 3 ноября 1945 г. в [60, л. 1—6].

53 См. письмо А. Р. Жебрака к Г. М. Маленкову от 1 апреля 1946 г. в [29, л. 108—111].

Генетики также постарались убедить ЦК открыть новые вакансии для генетиков в составе АН СССР. Несмотря на активное противодействие Лысенко, в декабре 1946 г. Н. П. Дубинин был избран членом-корреспондентом Академии и начал организовывать в ней антилысенковское «сопротивление». В мае 1947 г. Жебрак был назначен президентом Академии наук Белоруссии и немедленно организовал при Академии генетическую лабораторию.

Весной того же 1947 г. А. С. Серебровский под эгидой Московского университета провел Всесоюзную генетическую конференцию. Это была первая⁵⁴ столь представительная конференция генетиков с 1932 г.: в течение шести дней исследователи из разных городов страны представили более восьмидесяти докладов. Генетики постарались разрекламировать конференцию как только было возможно. Они приняли «Письмо товарищу Сталину», которое собирались опубликовать в центральной прессе. В этом письме они заявляли:

Конференция показала, что работники генетической науки настойчиво работают над выполнением Вашего, Товарищ Сталин, указания советской науке не только догнать, но и превзойти зарубежную науку. В некоторых случаях это указание уже выполнено [62, л. 75].

Как того и следовало ожидать, антилысенковская кампания на Западе и ее активное использование советскими генетиками вызвали резкую реакцию лысенковцев, старавшихся отстоять свои позиции. Уже в августе 1946 г. партбюро лысенковского бастиона — ВАСХНИЛ — направило специальный меморандум «о спорных вопросах генетики» секретарю ЦК А. А. Жданову (см. [63, л. 1—2]). К меморандуму были приложены переводы четырнадцати западных публикаций, в их числе нескольких рецензий на книги Лысенко и Хадсона и Риченса, а также статьи Жебрака о советской генетике, опубликованной в «*Science*» (см. [63, л. 4—102]). Авторы меморандума утверждали (вполне справедливо), что генетики стараются подорвать авторитет Лысенко, и просили Жданова принять «соответствующие меры». Их обращение осталось без ответа. Два месяца спустя парторг ВАСХНИЛ снова направил в ЦК письмо по тому же поводу (см. [63, л. 103]). В этот раз к письму была приложена статья о генетике, написанная Лысенко для энциклопедии (см. [63, л. 105—140]). Это письмо также осталось без ответа. В своем обращении в ЦК лысенковцы снова, как они это делали в 1930-е гг., подчеркивали «иностранный», «буржуазный», «западный» характер менделевской генетики и «отечественные», «советские корни» их собственной доктрины. В это время, однако, подобная риторика не возымела ожидаемого действия: партийные боссы остались глухи к их аргументам.

Широкая кампания в западной прессе, очевидно, достигла своей цели и произвела серьезное впечатление в аппарате, определявшем научную политику. И международное признание успехов советских генетиков, и международное отрицание работ Лысенко явно возымели должный эффект. Даже Министерство сельского хозяйства, один из основных оплотов Лысенко в госаппарате, предпочитало иметь дело с его оппонентами, когда речь заходила о международном сотрудничестве. К примеру, в феврале 1946 г. начальник Иностранного отдела министерства обратился к давнишнему оппоненту Лысенко М. М. Завадовскому с просьбой написать статью о его работах для публикации в США (см. [64, л. 36—37]).

В конце 1946 г. Антифашистский комитет советских ученых обратился к другому генетику, Н. П. Дубинину, с просьбой написать большую статью об успехах советской генетики для публикации за рубежом. Статья касалась вклада советских

⁵⁴ И, как оказалось, последняя вплоть до 1965 г.

ученых в теоретическую генетику и содержала детальный обзор советских работ в этой области. Через Американско-советское медицинское общество рукопись была направлена Добржанскому, который перевел ее на английский язык и организовал ее публикацию в «*Science*». Статья, появившаяся весной 1947 г., сообщала читателям о том, что советские ученые «уверены в том, что в ближайшем будущем они достигнут еще большего прогресса в генетических исследованиях» [50, с. 112]. Статья с очевидностью свидетельствовала об укрепившихся позициях генетики в Советском Союзе. Как отмечал в одном из своих писем Добржанский:

Она дает первое ясное доказательство того, что звезда Лысенко закатывается. Не то чтобы Лысенко в ней упоминался — как раз наоборот. Но те вещи, которые Дубинин пишет, вероятнее всего, не могли бы быть написаны два года назад — хвала Вавилову, Карпеченко и т. д.⁵⁵

Таким образом, советские генетики искусно сыграли на изменении внешней политики, чтобы «сдвинуть баланс сил» в свою пользу. Добываясь поддержки парт-аппарата в восстановлении своих позиций, они с успехом использовали модные лозунги того времени: «за международный престиж советской науки», «догнать и перегнать западную науку», «равняться на достижения науки за границей» и тому подобные. С 1945 по середину 1947 гг. «второй фронт» в советской генетике оказался весьма действенным. Используя поддержку западных коллег, генетики сумели укрепить свой авторитет в парт-аппарате и свои институциональные позиции.

Чего ни они, ни их западные коллеги не могли предвидеть, так это «холодной войны». Когда летом 1947 г. советская внешняя политика резко повернула от кооперации к конфронтации с Западом⁵⁶, те самые англо-американские контакты, столь успешно служившие советским генетикам, превратились вдруг в «опасные связи».

Список литературы

1. *Krementsov N. Stalinist Science*. Princeton: Princeton University Press, 1996.
2. *Medvedev Zh. The Rise and Fall of T. D. Lysenko*. N. Y.: Columbia University Press, 1969.
3. *Joravsky D. The Lysenko Affair*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1970.
4. *Lecourt D. Proletarian Science? A Case of Lysenko*. L.: NBL, 1977.
5. *Сойфер В. А. Власть и наука: История разгрома генетики в СССР*. Ann Arbor: Hermitage, 1988.
6. *Soyfer V. Lysenko and the Tragedy of Soviet Science*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1994.
7. *Adams M. B. Science, Ideology, and Structure: The Kol'tsov Institute, 1900-1970* // *The Social Context of Soviet Science* / Ed. by L. Lubrano and S. Solomon. Boulder, CO: Westview Press, 1980. P. 173—204.
8. *Adams M. B. Eugenics in Russia* // *The Well-born Science. Eugenics in Germany, France, Brazil, and Russia* / Ed. by M. B. Adams. N. Y.: Oxford University Press, 1990. P. 153—216.
9. *Астауров Б. Л., Рокицкий П. Ф. Н. К. Кольцов*. М.: Наука, 1975.
10. *Поповский М. А. Дело академика Вавилова*. М.: Книга, 1991.
11. *Левитская Н. Г., Лассан Т. К. Григорий Андреевич Левитский: Материалы к биографии* // *Цитология*. 1992. Т. 24. № 8. С. 102—125.
12. *Соратники Николая Ивановича Вавилова*. СПб., 1994.
13. *Weindling P. German-Soviet Cooperation and the Institute for Racial Research, 1927 — ca. 1935* // *German History*. 1992. Vol. 10. № 2. P. 177—206.
14. *Paul D. B. and Crimbas K. B. Nikolai V. Timofeeff-Ressovsky* // *Scientific American*. 1992. February. P. 86—92.
15. *Тимофеев-Ресовский Н. Воспоминания*. М.: Прогресс, 1995.
16. *The Evolution of Theodosius Dobzhansky: Essays on His Life and Thought in Russia and America* / Ed. by M. B. Adams. Princeton: Princeton University Press, 1994.

55 См. письмо Ф. Добржанского к Л. Данну, конец ноября — начало декабря 1946 г., в [34].

56 Об этом повороте и его влиянии на советскую науку см. [65].

17. Архив Российской академии наук (далее — АРАН). Ф. 201. Оп. 5. Д. 4.
18. Abandonment of the Moscow meeting of the International Congress of Genetics // *Science*. 1936. № 84. P. 553—554.
19. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее — РЦХИДНИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 970.
20. P. Mangelsdorf Correspondence. HUG (FP) 37. 8. Box 6 // Manuscript collection of the Widener Library. Harvard University. Cambridge. USA.
21. Haldane J. B. S. Lysenko and Genetics // *Science and Society*. 1940. Vol. 4. P. 433—437.
22. Mather K. Genetics and the Russian Controversy // *Nature*. 1942. Vol. 149. P. 427—430.
23. Майский И. М. Воспоминания советского посла. М.: Наука, 1965.
24. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. р5283. Оп. 14. Д. 7. Л. 1—130.
25. ГАРФ. Ф. р5283. Д. 175, 183, 193, 195, 199, 200, 201, 207, 208, 209, 214, 216, 217, 219, 223.
26. 3-Day Congress to Honor Soviet // *New York Times*. 6 November 1943, 21.
27. Aid to World Seen in Pact of Moscow // *New York Times*. 7 November 1943, 47.
28. Henry Dale's Papers. 93 HO, 8. 8. 69, P. 3. Royal Society Library. London. UK.
29. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 449. Л. 188—199.
30. American-Soviet Medical Society Papers, MS C 470, History of Medicine Division, National Library of Medicine, Bethesda, MD.
31. American-Soviet Science Society // *Shtern Papers*. APS.
32. Молотов В. М. Доклад 6 ноября 1945 г. // *Вестник АН СССР*. 1945. № 10—11. С. 1—15.
33. *Вестник АН СССР*. 1946. № 2.
34. Dunn Papers. APS.
35. Wright Papers. APS.
36. Ashby E. Scientist in Russia. N. Y.: Penguin Books, 1947.
37. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 331. Л. 54.
38. Impressions of Soviet Science // *American Review of the Soviet Union*. 1945. November. P. 32—43.
39. *Вестник АН СССР*. 1946. № 7—8.
40. Юшкевич А. П. Дело академика Лузина // *Репрессированная наука*. Л.: Наука, 1991. С. 377—394.
41. Levin A. E. Anatomy of a Public Campaign: «Academician Luzin's Case» in Soviet Political History // *Slavic Review*. 1990. Vol. 49. № 1. P. 90—108.
42. Demerec Papers. APS.
43. Huxley J. Memories. N. Y.: Harper & Row, 1970.
44. J. S. Huxley Papers. Series VII. Box 103; Series VIII. Box 106. The Fondren Library. Rice University. Houston. USA.
45. Huxley J. S. Science in the USSR. Evolutionary Biology and Related Subjects // *Nature*. 1945. Vol. 156. P. 254—256.
46. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1052.
47. Archive of the University of California. President office. CU-5. 1945: 710-Z. The Bancroft Library. Berkeley. CA.
48. Lerner Papers. APS.
49. Zhebrak A. R. Soviet Biology // *Science*. 1945. Vol. 102. P. 357—358.
50. Dubinin N. P. Works of Soviet Biologists: Theoretical Genetics // *Science*. 1947. Vol. 105. P. 109—112.
51. Hudson P. S. and Richens R. H. The New Genetics in the Soviet Union. Cambridge, Engl.: W. Heffer & Sons, 1946.
52. Lysenko T. D. Heredity And its Variability (trans. by Th. Dobzhansky). N. Y.: King's Crown Press, 1946.
53. Shtern Papers. APS.
54. Simpson R. Science, Totalitarian Model // *Saturday Review of Literature*. 1946. (March 9). P. 28—32.
55. J. B. S. Haldane Papers. The Library of the University College. London. UK.
56. S. Darlington Papers. The Bodleian Library. Oxford University. UK.
57. АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1945. Д. 401.
58. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 537.
59. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 360.
60. АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1945. Д. 450.
61. Российский государственный архив экономики. Ф. 8390. Оп. 1. Д. 1997.
62. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 85. Д. 12.
63. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 451.
64. АРАН. Ф. 1657. Оп. 1. Д. 154.
65. Кременцов Н. Л. Советская наука на пороге Холодной войны: «Дело КР» // *In Memoriam*. М.—Спб.: Феникс—Atheneum, 1995. С. 272—291.